

Тува вчера, сегодня, завтра

ПОГРАНИЧНЫЙ КОМИССАР В ТУВЕ В 1913 ГОДУ: НАЗНАЧЕНИЕ, ПРОБЛЕМЫ, ПРОТИВОСТОЯНИЕ

В. А. Василенко

Аннотация: Текст статьи представляет собой один из параграфов монографии автора ««На пути к протекторату (вторая половина XIX в. — 1914 г.)» (LAP Lambert Academic Publishing, 2013). В статье приведен анализ действий российского правительства, предпринимаемых в решении «урянской проблемы» в 1913 г. Тогда была учреждена должность пограничного комиссара в Туве.

Ключевые слова: источниковедение, Тува, Урянхайский край, территориальные споры, дипломатия, Халха, Монголия, Синьхайская революция.

Во второй половине 1913г. российская дипломатия добилась от китайского правительства согласия на то, что территориальные вопросы, связанные с Внешней Монголией, будут решаться путем переговоров с Россией.

Это дало возможность правительственным органам решать судьбу Тувы без оглядки на позицию Китая. Для обеспечения контроля над политической ситуацией и создания более эффективной системы управления и исполнения функций осведомителя, в российском правительстве было решено создать должность пограничного комиссара. В отличие от пограничного начальника, комиссар наделялся консульскими полномочиями. Вопрос об учреждении должности пограничного комиссара поднимался Иркутским генерал-губернатором, еще в конце XIX в., но уполномоченный посланник в Пекине, а также военное министерство сочли учреждение указанной должности «несвоевременным» (Российский государственный военно-исторический архив — далее РГВИА. Фонд 400. Главный штаб, Оп. 1, Д. 3517, Л.8). Однако с течением времени учреждение Пограничного комиссариата стало востребованным. Еще в июне 1912 г. в Министерстве иностранных дел были подготовлены «Материалы для

Василенко Виктория Александровна - кандидат исторических наук, доцент Иркутского государственного университета, ученый секретарь Иркутской ассоциации монголоведов.

инструкции Урянхайскому комиссару». В них говорилось: «Императорским правительством не принято еще окончательного решения о дальнейшей судьбе Урянхайского края, которая связана с предварительным исходом крупных политических вопросов нашей дальневосточной политики» (Архив внешней политики Российской империи— далее АВПРИ. Ф. 143, Китайский стол, Оп.49, Д. 3111, Л.119).

Пограничный комиссар должен был бы разъяснить местному населению, что «самоуправление их, Вне зависимости от китайцев и монгол, лучше обеспечит их интересы и национальное единство... он будет также оказывать содействие к укреплению русского влияния в крае, поощряя развитие нашей торговли и колонизации» (там же: Л. 120). Учреждение политического агента министр иностранных дел С. Д. Сазонов считал несвоевременным, поскольку принятие подобной меры пока не представляется возможным, «т.к. командирование в Урянхайский край, формально считающимся принадлежащим Китаю, международного представителя не замедлило бы вызвать нарекания как со стороны самого Китая, так и со стороны других государств (Японии, Америки, Англии), имеющих существенные интересы на Дальнем Востоке, и притом... это обстоятельство могло бы послужить поводом для захватов в Китае со стороны других государств. Поэтому... необходимо было учредить административную должность с правами и обязанностями, присвоенными пограничному комиссару, придав ей лишь некоторые права политического агента» (Кабо, 1934: 172). Таким образом, министр иностранных дел, опасаясь конфликта с другими странами, считал, что наделение пограничного комиссара по делам Урянхайского края консульскими полномочиями, на территории в недавнем прошлом принадлежавшей Китаю, несвоевременно. В то же время, признавая необходимость учреждения должности пограничного комиссара в Урянхае, С.Д. Сазонов командировал в село Усинское Благовещенского пограничного комиссара, «сохранение должности которого, с учреждением вице-консульства в Айгуне... не представлялось необходимым» (Князев, 1913:4). Однако предпринятая министром иностранных дел мера встретила возражение со стороны Приамурского генерал-губернатора, и поэтому должность пограничного комиссара по делам Тану-Урянхая оставалась вакантной.

Сложившаяся обстановка в крае требовала оперативного решения проблемы учреждения Пограничного комиссариата, по этой причине С.Д. Сазонов обратился к иркутскому генерал-губернатору с инструкцией отрекомендовать соответствующую кандидатуру. После многих консуль-

таций и обсуждений Л. М. Князева с министерствами иностранных дел и внутренних дел, на должность заведующего Пограничного комиссара был избран чиновник особых поручений при иркутском генерал-губернаторе, коллежский асессор А. Церерин.

Разработка должностной инструкции пограничному комиссару была возложена на межведомственную комиссию под председательством тайного советника Шинкевича (там же). Двадцать девятого июня 1914 г. была Высочайше утверждена «Инструкция должностным лицам управления пограничного округа и Урянхайского края». Согласно ей, комиссар являлся официальным представителем российской власти в Урянхайском крае, он был обязан «сноситься» с местными властями, на него возлагалась судебная функция, функция таможенного контроля, а также обязанность горного исправника. По его требованию воинские части должны были оказывать ему содействие, на Основании Правил о содействии гражданским властям (РГВИА. Ф. 400, Главный штаб, Оп.1, Д. 4303, Л. 18). Усинский пограничный начальник находился в подчинении Пограничного комиссара и являлся его помощником (там же). Управление пограничного начальника было упразднено, взамен его было учреждено Управление пограничного комиссара с тремя помощниками, два из которых назначались в тувинские хошуны непосредственно. Кроме того, по согласованию министров юстиции и внутренних дел, в распоряжение А. Церерина было отправлено два становых пристава.

Одновременно с посылкой пограничного комиссара, Совет Министров в конце 1912 г., согласно предложению главного управления землеустройством и земледелием был командирован «в целях оказания хозяйственно-культурной и административной поддержки водворившемуся русскому населению в помощь пограничному комиссару переселенческого чиновника» начальник переселенческого управления (Государственный архив Иркутской области — далее ГАИО. Ф. 25, Канцелярия, Оп. 11, Д. 14, Л. 30). На эту должность был назначен коллежский регистратор В. К. Габаев. Таким образом, в Туве с 1913 г. начали работу два представителя российского правительства, каждый из которых был наделен широкими полномочиями: один — политическими, другой — экономическими.

В начале апреля 1913 г. А. Церерин прибыл в Тану-Урянхай. В качестве «первой меры» он изгнал из хошунов Даа и Бейсэ монгольских чиновников-агитаторов. После этого пограничный комиссар стал проводить среди местного населения мысль о том, что край должен сохранять

свою самобытность и он не является собственностью русской короны, а местные ухэриды являются по отношению к русскому государю «что-то вроде владетельных князьков» (АВПРИ. Ф. 143. Китайский стол, Оп. 491, Д. 3109, Л.89 (об)).

Одновременно он вынужден был оперативно реагировать на события, происходящие в крае и решать конфликты, возникающие между русскими поселенцами и местным населением. Так, в апреле 1913 г. А. Церерин, не проработав на новом посту и месяца, докладывал иркутскому генерал-губернатору: «... 13 апреля... я получил известие, что русскими жителями поселка Баянгол... забит до смерти за самовольный угон быка урянх Тенилимчи ведомства Бейсэ-хошуна. Возмущенные этим, сородичи убитого намеревались учинить над русскими жителями поселка Баянгол (6–8 дворов) самосуд: всех перебить, а дома сжечь. На следующий день я выехал в с. Усинское, командировал в Баянгол для производства дознания Секретаря, переводчика и весь наличный состав имеющихся в моем распоряжении казаков (10 чел.) и в то же время послал урянхайским чиновникам письменное извещение, прося их воздерживаться от самовольных действий и обещая строгое расследование всего дела. Сам же занялся в с. Усинском организацией быстрого передвижения в пос. Баянгол местной воинской команды... По прибытии в Баянгол и по получении моего извещения урянхи совершенно успокоились, выразив полную готовность подчиняться моим советам.... Кроме сего в начале марта... жители поселка Атамановка из-за каких-то недоразумений избили пятерых урянхов; последние, в свою очередь, ... сильно избили до 20 человек русских.... Вот общая картина «мирного» завоевания Урянхайского края русскими, как результат искусственного заселения этого края. Предстоит громадная работа, чтобы хоть как-то урегулировать и наладить взаимоотношения русских с урянхами» (цит. по: Князев, 1913: 37–38).

Говоря о развитии русско-тувинских отношений, в условиях существования российской власти, А. Церерин отмечал, что они осложнялись вследствие неопределенности политико-правового статуса Тувы на тот момент, а также не взвешенной политики, проводимой Усинским пограничным управлением и енисейским губернаторством. Так, в докладной записке на имя иркутского генерал-губернатора он отмечал: «Как только будет у меня свободное время, я подробно донесу Вашему Превосходительству о том хаосе и неразберихе во взгляде на Урянхайский вопрос, которые теперь предстоит мне разобрать и которые создались благодаря самостоятельному политиканству относительно Урянхайского края от-

дельных должностных и учреждений в Красноярске и с. Усинском. Всех этих лиц и учреждения можно было бы благодарить, если бы они действительно приблизили к надлежащему разрешению Урянхайский вопрос, — наоборот, именно они создают все затруднения и препятствия к разрешению этого вопроса, озлобляя урянхов и вводя в заблуждение русское население Урянхая» (там же).

В целом, учреждение должности пограничного комиссара в Туве, наделенного широкими дипломатическими полномочиями (ведение переговоров с местным руководством, разрешение проблем пограничного характера и т. д.) означало переход политики российского руководства к активному усилению влияния в регионе. Большая самостоятельность комиссара в проведении мероприятий, направленных на упрочение положения русских в крае, в конечном итоге, сглаживаласпорные моменты, существующие между представителями центральных и местных органов управления по «урянхайскому вопросу». В «переходный период» к протекторату активная позиция чиновников Усинского пограничного управления, дипломатических представителей в Урге и Улясутау перестала противоречить точке зрения вышестоящих правительственных органов. С другой стороны, взаимодействие тувинцев с новыми органами представительной власти находилось в стадии адаптации, что побуждало пограничного начальника и пограничного комиссара действовать в этой области осторожно, а это, в свою очередь, происходило в унисон политике центрального руководства.

Процесс становления институтов русской представительной власти был связан с рядом определенных трудностей, в частности, в результате сложившихся с «точки зрения служебных интересов» сложных отношений между заведующим пограничными делами, усинским пограничным начальником, переселенческим чиновником и мировым судьей. Сокращение полномочий Пограничного начальника привело к тому, что пограничный начальник начал конфликтовать с новой администрацией. Не встретив поддержки со стороны Петербурга своей «активной позиции» по «урянхайскому вопросу», А. Х. Чакиров продолжил свою работу в рамках своих прежних обязанностей, подчеркивая тот факт, что установления контроля над его действиями со стороны пограничного комиссара «является не только незаконным, но и оскорбительным» (там же: 4). Отрицательный отзыв А. Х. Чакирова о новом пограничном начальнике объясняется тем, что начальник сам неоднократно претендовал на должность комиссара. Однако А. Церерин на период исполнения обязанностей

чиновника особых поручений Л. М. Князева успел зарекомендовать себя с положительной стороны, и выбор генерал-губернатора в его пользу был сделан однозначно.

Свои эмоции А. Х. Чакиров не скрывал в письме инженеру путей сообщения, В. Родевичу: «А. П. Церерин, мой хороший товарищ старый, не был до сего времени на самостоятельной должности, оказался и плохим администратором и плохим политиканом, а главное, шагнул так гигантски, у него «в зобу сперло дыхание от радости» — появилась мания величия, и потому не только А. Церерин не взял правильного направления пути, но повел руль управления крайне совершенно неправильно, в обратную сторону — получилась полная завариха — неразбериха. Вот в каком плачевном положении пока дела здесь. Правда, время упущено главное, но еще... можно было многое сделать и я привык работать по 16–19 часов в сутки, многое бы сделал — но, видите ли, надо же оправдать существующий порядок в чиновничестве: «ты поработал — все сделал, уготовил ладное, тепленькое местечко, ну и иди на новое черное дело, а уготованное уступи фазану... Да, больно, Всеволод Иванович! Единственная надежда на Бога...» (Российский государственный исторический архив —далее РГИА. Ф. 190 Управление внутренних водных путей Министерства путей сообщения, Оп. 8, Д. 537, Л. 91 (об) – Л. 92).

Сложнее всего отношения складывались между пограничным комиссаром А. Церериным и чиновником переселенческого управления, В. Габаевым. Последний сосредоточил в своих руках все финансовые ресурсы, как пограничного, так и переселенческого управления, кроме того, в его подчинении находилась местная полиция. Согласно инструкции, переселенческий чиновник имел право, как и пограничный комиссар, вступать в самостоятельные сношения с тувинскими родовыми правителями; являясь «главным ответственным лицом по ведению хозяйственной части переселенческого дела», он должен был оказывать содействие русскому населению в Урянхайском крае, и «ведать» этим населением (РГВИА. Ф. 400. Главный штаб, Оп. 1, Д. 4303, Л. 18). Широта полномочий, а также неточность формулировок инструкции, определяющей правовую базу русской власти в Туве, дало основание В.К. Габаеву считать, что он лишь формально подчиняется пограничному комиссару (Князев, 1913: 9). В отличие от заведующего пограничными делами, проживавшего в селе Верхнеусинское, переселенческий чиновник жил на территории самой Тувы. В. К. Габаев проводил активную деятельность, связанную с проблемами переселения в Туву, не согласовывая ее с вышестоящим руководством. Так,

без учета рекомендаций Совета министров, согласно которым следовало не производить в крае землеустройства и осторожно относиться к местному населению и их обычаям, он решил определить общий фонд земель и выделить их для будущих переселенцев в ущерб интересам коренного населения. Бесцеремонность заведующего переселенческим управлением достигла апогея, когда он стал претендовать на земли амбын-нойона Гомбодоржи. Чиновник дал указание заселять участок Арыг-Бажи, где вскоре был построен поселок Владимировка (История Тувы, 2001: 323). Без согласования с заведующим пограничным управлением, В. К. Габаев самостоятельно распланировал устройство волостей в Тану-Урянхайском крае, причем он действовал без учета специфики переселенческого движения, а также интересов как русских колонистов, так и местных жителей. Переселенческий чиновник нередко применял дисциплинарные взыскания к протестующим, вплоть до ареста. Последнее обстоятельство объяснялось тем, что начальник переселенческого управления был уроженцем Грузии, и, по замечаниям современников, в силу южного темперамента, не смог понять особенности сибирской культуры (там же).

Отмечу, что оценка современниками и, тем более, конкурентами или «товарищами по цеху» В. Габаева и А. Церерина не может быть объективной. Однако и она представляет интерес с точки зрения анализа и характеристики их политических портретов.

Знаменитый библиограф и общественно-политический деятель Сергей Рудольфович Минцлов, исполняя служебные обязанности в качестве чиновника особых поручений при Министерстве земледелия, в 1914 г. находился в Белоцарске и вникал в конфликтную ситуацию, что называется, «изнутри». При характеристике обоих чиновников, он часто указывал на неординарность и противоречивость их характера и поведения. Так, в опубликованном труде «Секретное поручение» он называет А. Церерина «...человеком честным, но не выдержанным» (Минцлов, 1928: 79). Тем не менее, С. Р. Минцлов принимал сторону своего коллеги В. Габаева. В одном из писем на адрес Министерства земледелия, от 17 июня 1914 г. он писал: «Человек (Габаев. — В. В.) исключительной энергии, деятельности и подвижности; в работе он кипит с утра до ночи и сделано им для края много. Церерин — тиходум, не без дозы мании величия, во что бы то ни стало желающий игры в политику и совершенно незамечающий, что он играет роль дипломата, расшаркивающегося перед орангутангами. Здесь нужно только дело, тот курс, какой взяло Переселенческое ведомство, и ничто другое. Конечно, два таких человека как Церерин и Габаев должны

были столкнуться, и роль Церерина — роль гири, привязанной к ногам Габаева. Будь последний один — край быстро и бесшумно примкнул бы к России, но гиря бьет по ногам не только Габаева, но и все русское дело в Урянхэе... Положение Габаева здесь весьма тяжелое, так как против него тайно агитируют и местные купцы — крупные земле захватчики, поделившие... весь Урянхай и привыкшие грабить сойотов. Еще год назад за пачку спичек эти благодетели не стеснялись брать с них быка, за иголку — барана. Теперь прекрасные дни...кончились; Габаев устраивает склады, заводит лавки и, конечно, вся здешняя «знать» за Церерина и не только против Габаева, но и против всего русского населения в крае. Лично от многих и многих крестьян слышал жалобы на начавшиеся усиленные кражи у них скота сойотами; последние, попадаясь, прямо заявляют, что купцы их научают делать так затем, чтобы разоренные в конце крестьяне убрались с земель владетельных герцогов Урянхэя — вчерашних гуртовщиков и более чем темных личностей... Когда вернусь, многое сообщу Вам о здешних делах и людях...» (РГИА. Ф. 391 Переселенческое управление, Оп. 5, Д. 1393, Л. 89 (об), Л. 92 (об)).

Несмотря на то, что А. Церерин за конфликт с переселенческим чиновником получил выговор от Л. М. Князева, деятельность пограничного комиссара по укреплению русской власти в Туве была воспринята вышестоящим руководством с удовлетворением (там же: Л. 89 (об), Л. 90). Более того, Л. М. Князев в письме министру внутренних дел М. А. Маклакову выражал просьбу не отзываться А. Церерина из командировки, оправдывая действия последнего: «Предоставленный самому себе без возможности за дальностью расстояния получить до моего приезда в Урянхай какие либо руководящие указания, не сумевший создать отношений с Мировым судьей и г. Габаевым, не встречая никакой поддержки со в лице Усинского Пограничного начальника Чакирова, видевшего в Церерине своего конкурента на должность Пограничного комиссара, которую он стремился получить и потому все время ведшего против него интригу, — коллежский ассесор Церерин потерял должное самообладание и под влиянием крайне нервного состояния не мог действительно найти делового выхода из создавшегося положения...» (там же).

Проекты В. К. Габаева, связанные с планированием широкомасштабной русской колонизации в Туву, не встретили поддержки со стороны ни Л. М. Князева, ни Енисейского губернатора И. И. Крафта. Последний, приняв к рассмотрению предложения В. К. Габаева, «дал только одно указание — обратиться с его многочисленными и едва ли фантастическими

проектами к Заведующему пограничными делами Церерину» (АВПРИ, Ф. 143. Китайский стол, Оп. 491, Д.3114, Л.9). Л. М. Князев, в свою очередь, в письме от 20 февраля 1914 г., на имя министра иностранных дел С.Д. Сазонова сообщил, что данные меры «могут дать повод к волнениям среди туземного населения» (там же: Д. 3113, Л. 42).

А. Х. Чакиров В. Родевичу еще в октябре 1913 года описал свое видение ситуации: «... и Габаев для Урянхая немного молод, таких... пожалуй и нельзя направлять, но я все же сумел бы и с Габаевым поработать... Безусловно, ген.-губ. Князев симпатичный человек, но к сожалению он занят Леной, и Урянхаем не заинтересован и не знает близко. Церерин как бывший его чиновник особых поручений сумел познакомить его со своей стороны, и точка зрения Церерина на Урянхай противоположна нашей — вот и вся запятая. А главное, Церерин — ставленник Петербурга, и Князев боится, пожалуй, его шаркнуть, а на меня, кажется, было несколько жалоб от старообрядцев за притеснения их и Князев боится меня провести» (РГИА, Ф. 190. Управление внутренних водных путей Министерства путей сообщения, Оп.8, Д.537, Л.91 (об)).

Таким образом, определение местными и центральными властями временного порядка управления Тувой только осложнило внутривластическую обстановку в крае. Объективно, это было обусловлено непростой ситуацией, сложившейся как внутри региона, так и в отношениях России с сопредельными государствами — Монголией и Китаем. Вместе с тем, наличие противоречий, существующих внутри представительных органов российской власти, отсутствие четкости при определении формулировок учредительных документов, субъективное несогласие усинского пограничного начальника с ограничением его полномочий, и прочие вопросы «административного порядка» негативно сказывались на решении задач, связанных с присоединением Тувы к Российской империи.

Список литературы:

История Тувы (2001). 2-е изд., перераб и доп. Новосибирск : Наука. Т. 1.

Кабо, Р. М. (1934) Очерки истории и экономики Тувы. М.–Л.: Соцэргиз. Ч. 1. Князев, Л. М. (1913) Записка иркутского генерал-губернатора, егермейстера Князева по вопросам управления Усинским округом и приграничным урянхайским краем. Иркутск : б/и.

Минцлов, С. Р. (1928) Секретное поручение (Путешествие в Урянхай). Рига : Сибирское книгоиздательство.

Дата поступления: 11.11.2013 г.

BORDERLINE COMMISSIONER IN TUVA IN 1913: ASSIGNMENT, PROBLEMS, CONFRONTATION

V. A. Vasilenko

Abstract: Article is composed of one of the paragraphs of “On the way to protectorate (from the second half of 19th century to 1914)” (LAP Lambert Academic Publishing, 2013). It analyzes the actions by the Russian Government while settling the “Uriankh issue” in 1913, the year when the post of Borderline Commissioner was instituted in Tuva.

Keywords: source studies, Tuva, Uriankhai, territorial dispute, diplomacy, Khalkh, Mongolia, Xinhai Revolution